

Ментальная карта империи.

«Суровая реальность», которую в 1991 году создатели СНГ пытались скрыть от себя и своих народов под разговорами о новой форме интеграции, в формулу «цивилизованного бракоразводного процесса» явно не укладывается. СНГ не только не интегрируется, но и «бракоразводный процесс» оказывается долгим, мучительным и не очень-то «цивилизованным». «Постсоветское пространство» стало зоной конфликтов, прежде всего - между Россией и другими бывшими «братскими республиками». Как в плохой семье или «коммуналке», скандалы возникают по любым причинам (от низкого качества вина до отношения к русским меньшинствам) и часто буквально «на пустом месте». Почему же интеграция на постсоветском (оно же «построссийскоимперское») пространстве не получается, а дезинтеграция оказывается очень болезненной? Можно указать три основные причины.

Прежде всего это разница «весовых категорий». Интеграция «по определению» означает создание механизмов совместного принятия решений. А такие механизмы могут быть основаны либо на принципе равенства интегрирующихся стран («одна страна - один голос»), либо на принципе учета «весовых категорий». При относительном равенстве интегрирующихся стран эти принципы не слишком противоречат друг другу и их можно как-то примирить, найти компромисс между ними, как это худо-бедно происходит в ЕС. Но при попытках интеграции стран с несопоставимыми весовыми категориями возникают непреодолимые препятствия и противоречия.

Если представить себе интеграцию Китая и Монголии или даже США и Канады, основанную на действительном равноправии интегрирующихся стран (одна страна - один голос), это означало бы, что «меньший» партнер получает колоссальные преимущества. Как в сказке, где кошка и тигр договариваются охотиться вместе и честно делить всю добычу пополам. Если же интеграция таких стран будет основана на учете «вклада в общий котел» («один человек - один голос»), это означало бы просто поглощение малой страны большой.

Постсоветское пространство - это как раз пространство стран с несопоставимыми «весовыми категориями». Россия - не только больше и сильнее каждой другой страны, но и сильнее их всех, вместе взятых. И уже одно это делает интеграцию невозможной, а любые шаги в направлении интеграции - конфликтогенными. Наиболее же «продвинутой» формой интеграции на этом пространстве - Союзное государство России и Белоруссии - основана на непрочном и гротескном балансировании между эксплуатацией России Белоруссией и поглощением Белоруссии Россией.

Вторая причина, препятствующая интеграции, - это психологический груз прошлого. Интеграция постсоветского пространства - это еще и интеграция бывшего имперского центра («старшего брата») с бывшей имперской периферией. Но в бывшем центре не может не быть ностальгии по имперскому прошлому и имперских привычек. А психологическая адаптация к новой ситуации правового равенства с бывшей периферией всегда проходит болезненно. В разной форме и с разной степенью мучительности через это проходили все бывшие империи. Любые проявления самостоятельности бывших «младших братьев» для России - болезненное напоминание об утраченном. И наоборот, любые «знаки внимания» с их стороны имеют колоссальное значение, и бывшая метрополия готова даже «платить за любовь и уважение», как мы до сих пор платим Белоруссии.

Болезненное психологическое состояние бывшей метрополии и «супердержавы» заставляет цепляться за иллюзию интеграции и не позволяет увидеть очевидного. То, что союзного государства России и Белоруссии быть не может, способен понять ребенок. Но у российской власти осознание этого заняло более десятилетия, и даже сейчас она не может сказать это четко и ясно. Груз прошлого довлеет не только над Россией. Он довлеет и над странами «имперской периферии», где есть и привычки к подчинению, и страхи перед бывшим центром, и стремление избавиться от этих страхов и привычек и злорадно показать России, что она больше не «начальница».

В результате постсоветское пространство превращается в поле борьбы между Россией, стремящейся восстановить свою роль «старшего брата», и «младшими братьями», которые или восстали, или накапливают силы для восстания, лстя «старшему брату» и эксплуатируя его слабости. Кольцо «младших братьев» - вассалов - легко превращается в кольцо восставших вассалов, кольцо врагов.

Еще одним препятствием для интеграции является характер политических режимов стран СНГ. Любая интеграция подразумевает отказ от части суверенитета, передачу каких-то полномочий наднациональным структурам. Но уступка суверенитета возможна лишь тогда, когда интегрируются правовые демократические государства. В авторитарных системах вся власть или есть в одних руках, или ее вообще нет. Демократии могут создавать наднациональные структуры, но между абсолютными монархами или диктаторами могут быть только отношения полной независимости или подчинения. Поэтому Германия и Франция при всем грузе прошлого могут интегрироваться, а арабские страны, при общих языке, религии, враге (Израиле) и идеологии единой арабской нации, интегрироваться не могут. Они много раз провозглашали разные «союзные государства», но каждый раз движение к объединению наталкивалось на один и тот же риф - двух «отцов народа» в одном государстве не бывает.

Политические режимы в странах СНГ (кроме Молдовы и стран, прошедших через «цветные революции») скорее близки к арабским. Это создает определенное единство интересов. Президенты стран СНГ знают, что в борьбе с внутренней оппозицией могут положиться на своих коллег и на главного, российского коллегу. Но это же создает дополнительное препятствие для интеграции и усиливает специфическую для персоналистских режимов иррациональность и непредсказуемость отношений.

Все эти причины и делают интеграцию постсоветского пространства невозможной. Любые попытки интеграции неизбежно превращаются в попытки восстановления ситуации «центра» и «периферии», старшего брата и младших братьев в архаической неразделенной семье и также неизбежно ведут к «восстаниям» младших братьев против старшего. Пока единство этого пространства сохраняется, хотя бы как «ментальная карта», на нем будут существовать два полюса - подчинение России и «восстание» против России, и любое взаимодействие стран в нем будет определяться этими двумя полюсами. Выходом из этой ситуации может стать лишь разрушение самой сохраняющейся в нашем сознании «ментальной карты», на которой нанесены границы СССР и Российской империи, и полный отказ от попыток интеграции. Это, в конечном счете, неизбежно, но это - долгий и мучительный процесс. В ближайшей исторической перспективе конфликтогенность нашего пространства будет сохраняться, и в постсоветской «коммуналке» будут вспышки новых скандалов - по любым причинам, которые в конечном счете - не причины, а предлоги.